

Два Демона – два разных мира о мирозерцании Пушкина и Лермонтова¹

Ренард Девликамов, стажер-исследователь, Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), renardik2003@gmail.com

В статье представлена авторская попытка выявить и осмыслить философские предпосылки художественного мирозерцания А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова путем компаративного анализа аналогичных сюжетов в творчестве поэтов. Для выявления философских предпосылок в статье были сравнены судьбы демонов в поэме Лермонтова «Демон» и в стихотворениях Пушкина «Демон» и «Ангел». В настоящей работе показано, что в основе пушкинского мирозерцания сохранена идеальная гармония, а у Лермонтова произошел слом классической интуиции бытия. Для осмысления полученных результатов был проведен компаративный анализ стихотворений, в которых поэты размышляют непосредственно о смысле жизни: «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» Пушкина и «И скучно и грустно» Лермонтова. Сравнение показало, что, когда Пушкин и Лермонтов лицом к лицу «сталкивались» с необходимостью ответить на вопрос о смысле жизни, они давали принципиально противоположные ответы, соответствующие философским предпосылкам их мирозерцаний, выявленным в предшествующем анализе.

Ключевые слова: Пушкин, Лермонтов, демон, ангел, бытие, гармония, мирозерцание, смысл жизни

Для цитирования: Девликамов Р.Т. Два Демона – два разных мира: о мирозерцании Пушкина и Лермонтова // Метаморфозис. 2024. Т. 9. № 1. С. 22-32.

Дата поступления: 31.07.2024.

Философ русского зарубежья А.С. Позов, сравнивая Пушкина с Лермонтовым, отмечал:

У Пушкина – равновесие темпераментов, у Лермонтова сангвинизм отходит на задний план перед холеризмом и меланхолизмом. У него – повышенная возбудимость, впечатлительность, раздражительность и ответная реактивность, Пушкин – более гармоническая натура².

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² Позов А.С. Метафизика Лермонтова. Мадрид: Ediciones Castilla, 1975. С. 126.

Замечания Позова справедливы, но основаны преимущественно на биографических данных и потому они ничего еще не говорят об идейной стороне творчества поэтов. Чтобы цитируемый фрагмент обрел ценность с точки зрения философии литературы, необходимо сравнить реализацию аналогичных сюжетов в творчестве Пушкина и Лермонтова. Думаю, что празднование юбилеев (225-летие Пушкина и 210-летие Лермонтова) – отличный повод погрузиться в богатый художественный мир двух гениев!

Почему с демоном не случилось преобразования в одноименной поэме М.Ю. Лермонтова? Вот вопрос, с которого я начну эту работу. Дать ответ на него, опираясь исключительно на текст произведения, не представляется возможным, так как ключевой эпизод, когда в душе демона при виде херувима, охраняющего Тамару, вновь «проснулся старинной ненависти яд», Лермонтов не снабжает пояснениями. У читателя есть только описательное повествование поведения героев, не содержащее авторских объяснений. Помочь в ответе на заданный вопрос может сопоставление поэмы Лермонтова с аналогичным сюжетом, созданным примерно в то же время, однако имеющим противоположную развязку – раскаяние демона. Речь идет о двух стихотворениях А.С. Пушкина: «Демон» 1823 года и «Ангел» 1827 года.

Сразу убедимся в том, что у обоих поэтов мы имеем дело с очень похожими образами демона. Пушкин описывает его так:

Он звал прекрасное мечтою;
 Он вдохновенье презирал;
 Не верил он любви, свободе;
 На жизнь насмешливо глядел –
 И ничего во всей природе
 Благословить он не хотел³.
 Читаем у Лермонтова:
 Я тот, чей взор надежду губит;
 Я тот, кого никто не любит;
 Я бич рабов моих земных,
 Я царь познания и свободы,
 Я враг небес, – я зло природы...⁴

³ Пушкин А.С. Стихотворения 1823 – 1836 // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1959–1962. С. 13.

⁴ Лермонтов М.Ю. Демон // Лермонтов М.Ю. Полное полн. собр. соч. в 10 т. Т. 4. Поэмы

Ключевые характеристики с точностью совпадают. Как пушкинский демон мог бы тоже назвать себя врагом небес и злом природы, так и герой Лермонтова не верил ни во что светлое и доброе.

При этом, несмотря на общую демоническую сущность, судьба двух демонов сложилась противоположными образами. В пушкинском художественном мире демон, встретившись с ангелом, преобразается:

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

Прости, – он рек, – тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал⁵.

Почему это преобразование оказалось возможным? Почему злой дух у Пушкина раскаивается и просит прощения у ангела? Ключ к пониманию этой метаморфозы находится не на поверхности сюжетной зарисовки, а кроется в самом основании поэтического мирозерцания. Философ Михаил Гершензон совершенно верно указывает на одну из главных инвариантных структур мирозерцания Пушкина:

Самый общий и основной догмат Пушкина, определяющий все его разумение, есть уверенность, что бытие является в двух видах: как полнота и как неполнота, ущербность. И он думал, вполне последовательно, что полнота, как внутренне-насыщенная, пребывает в невозмутимом покое, тогда как ущербное непрестанно ищет, рыщет... Всюду, где он изображал совершенство, он показывал его бесстрастным, пассивным, неподвижным⁶.

В идейном мире Пушкина еще не сломаны классические метафизические установки, восходящие к Пармениду, согласно которым подлинное бытие – благо, а неподлинное – та самая ущербность, о которой писал Гершензон. Ангел в стихотворении Пушкина соответствует основным признакам парменидовского бытия:

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал⁷.

1835-1841. М.: Воскресенье, 2000. С. 247.

⁵ Пушкин А.С. Указ соч. С. 174.

⁶ Гершензон М.О. Мудрость Пушкина // Пушкин в русской философской критике / Коллектив авторов: Российские Пропилеи, 2014. С. 174.

⁷ Пушкин А.С. Указ. соч. С. 174.

Ангел не движется, так как обладающее полнотой бытие может двигаться только к небытию; ангел не смотрит, ни на что и никак не реагирует, так как всякое действие – признак внутренней неполноты, беспокойства. Истинное бытие «ни в чем не испытывает нужды, находится в абсолютном покое и преисполнено собой»⁸, поэтому оно является благом. Демон – противоположность ангела и подлинного бытия, чистая не-

гативность («дух отрицанья») – наоборот, суетится, летает, вечно чего-то ищет, беспокоится. Это точные характеристики иллюзорного для Парменида бытия: «вечная нехватка чего-то, незавершенность, несовершенство, ущербность, даже “зависть”»⁹. Единственное действие, которое Пушкин приписал ангелу, – излучение света («главой поникшею сиял»). Точно таким же является бытие в поэме Парменида: «бытие – не просто сферичная полнота, но еще и свет... бытие должно совпадать с наиболее тонкой телесной субстанцией, со светом»¹⁰. Таким образом, в пушкинском мирозерцании сохранена убежденность в существовании совершенного бытия, блага. Столкновение с воплощением полноты, спокойствия и света пробуждает силы для раскаяния и преображения даже в главном враге небес – демоне. Пушкин где-то в глубине своих поэтических интуиций сохранил идеальное спокойствие – залог приобщения к гармонии.

Читая поэму Лермонтова, мы погружаемся в мир, в основании которого произошел разлом классической интуиции бытия. Здесь, в отличие от произведений Пушкина, нет никакого прочного гармонического фундамента, мир пошатнулся до самых своих опор, потерял глубинную устойчивость, пропитался духом мятежа и лишился надежды на обретение былой гармонии.

Исходные позиции двух демонов равны: оба испытывают главным образом чувства презрения и зависти:

И дик, и чуден был вокруг
 Весь Божий мир; но гордый дух
 Презрительным окинул оком
 Творенье Бога своего,
 И на челе его высоком
 Не отразилось ничего.

⁸ Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986. С. 10.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

<...>
 Но, кроме зависти холодной,
 Природы блеск не возбудил
 В груди изгнанника бесплодной
 Ни новых чувств, ни новых сил;
 И всё, что пред собой он видел,
 Он презирал, иль ненавидел¹¹.

Затем по сюжету происходит встреча демона с воплощением неземной красоты – Тамарой. От этой встречи в лермонтовском демоне просыпаются те же чувства, что и в пушкинском. Сравним:

И жар невольный умиленья
 Впервые смутно познавал¹².
 И Демон видел... На мгновенье
 Неизъяснимое волненье
 В себе почувствовал он вдруг.
 <...>
 И вновь постигнул он святыню
 Любви, добра и красоты!..¹³

На этом этапе появляется надежда: вдруг любовь к Тамаре станет первым шагом к преображению демона! Лермонтов усиливает в читателе эту надежду, когда пишет, что умиляющийся и жалеющий Тамару герой перестал быть адским духом:

То не был ада дух ужасный,
 Порочный мученик – о нет!
 Он был похож на вечер ясный:
 Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!..¹⁴

То есть встреча с «гением чистой красоты» стала для демона своеобразным чистилищем: он уже не дух ада, но еще не ангел («То не был ангел небожитель»). Таков итог первой части поэмы.

Во второй части происходит, как и в пушкинском стихотворении, встреча ангела и демона – ключевая сцена. Лермонтов перед этим подчеркивает, что

...была минута,
 Когда казался он готов
 Оставить умысел жестокой¹⁵.

¹¹ Лермонтов М.Ю. Указ. соч. С. 223-224.

¹² Пушкин А.С. Указ. соч. С. 174.

¹³ Лермонтов М.Ю. Указ. соч. С. 227.

¹⁴ Там же. С. 237.

¹⁵ Там же. С. 241-242.

Затем напряжение перед вероятной счастливой развязкой возрастает еще сильнее:

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора¹⁶.

И полный светлого трепета демон является к Тамаре и оберегающему ее ангелу – казалось бы, вот сейчас должна случиться пушкинская развязка, покаяние и преображение. Однако вместо этого в герое Лермонтова снова просыпается дух отрицания. Почему? Дело в том, что этому демону больше не к чему приобщиться – состояния неподвижной гармонии, полного бытия и блага нет. Ангел в поэме Лермонтова хоть и зовется ангелом, но по своей сути таковым не является, так как его бытие тоже ущербно. В поэме подчеркивается, что от ангела

...вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор¹⁷

Это уже не тот сияющий и преисполненный ангел из стихотворения Пушкина, который одним своим состоянием покоя приобщал демона к себе. Во всем идейном мире Лермонтова уже нет того спокойного и мудрого сияния, способного преобразить дух Ничто. Ангел, который должен быть «представителем» полного, неподвижного и благого бытия, у Лермонтова опущен до уровня ущербности и неполноты, до уровня эмпирического (для Парменида – иллюзорного) бытия. Об этом свидетельствует, во-первых, тот факт, что ангел говорит, а значит, выходит из состояния покоя; во-вторых, он говорит чересчур эмоционально, иногда даже грубо:

К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?
<...>
Исчезни, мрачный дух сомненья!¹⁸

Из мира Лермонтова исчез идеал. Нервозность, беспокойность, вечная нехватка – одним словом, дух Ничто – проник почти во все уголки поэтического мирозерцания, даже в небеса. Беря это во внимание, поражение демона самому себе становится яснее. Островки идеала, коими являются красавица Тамара и ангельские создания, тоже заражены силой Ничто, прорвавшейся в культуру, и обречены на нескончаемую борьбу с ней.

¹⁶ Лермонтов М.Ю. Указ. соч. С. 243.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 243, 262.

Глубинная разница между Пушкиным и Лермонтовым, обнаруженная в результате краткого компаративного анализа демонов, распространяется и на другие сквозные сюжеты их художественных миров. Дело в том, что слом классической интуиции в мирозерцании Лермонтова переживался им не как воспоминание о чем-то утраченном в прошлом, он не просто сохранился в памяти, а, как Христова рана, жил в самом теле его творчества. Судя по художественному наследию Лермонтова, этот слом воспринимался им как личная трагедия и потому постоянно привлекал к себе всё внимание поэта. В этой связи обвинения Михаила Юрьевича в эгоизме со стороны В.С. Соловьева¹⁹ нейтрализуются, так как болезненной напряженностью и повышенной сосредоточенностью на своем Я Лермонтов пытался разобраться не только и не столько в себе, сколько в мире, теряющем нечто очень важное и живое.

Пушкин, в отличие от Лермонтова, даже в «экстремальных» ситуациях, когда ребром ставился принципиальнейший из вопросов – вопрос о смысле жизни – не отчаивался. Обратимся к его «Стихам, сочиненным ночью во время бессонницы». В первой части стихотворения Пушкин фиксирует бессмысленность вообще всего вокруг:

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...²⁰

Здесь необходимо задуматься буквально над каждым словом и создаваемым им образом. Световая метафорика исключительно темная и мрачная, окружающая обстановка погружена в сон либо лишена активного начала. Единственное, на чем Пушкин мельком делает акцент частицей «лишь», единственное, что он выделяет среди сплошной пассивной тьмы, это ход часов, но и его поэт называет однозвучным, то есть своей деятельностью ход часов усугубляет эффект серости и бессмыслицы. А завершающая эту часть строчка «Жизни мышья беготня...» (по словам писательницы Т.Н. Толстой, самая гениальная строка среди всего пушкинского творчества) выносит страшно пессимистичный приговор феномену жизни. Осенью 1830-го весь мир и вся жизнь стали для Пушкина бессмысленной мышья беготней. Но во второй части стихотворения расстановка смыслов кардинально меняется

¹⁹ Соловьев В.С. Лермонтов // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. СПб.: Просвещение, 1913. С. 353.

²⁰ Пушкин А.С. Указ. соч. С. 318.

благодаря тому, что появляется активный субъект, вступающий в самое что ни на есть философское отношение к жизни и миру:

Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...²¹

Как мы видим, в стихотворении нет ответа на вопрос о смысле жизни, Пушкин не дает здесь «позитивной программы», но сама форма вопрошания, подобранные слова и – ещё важнее – внутренний настрой («Я понять тебя хочу, // смысла я в тебе ищу...») лирического героя задают определенные координаты: есть Я, которое хочет добраться до сути, и есть мир, который что-то мне шепчет.

У Лермонтова, находящегося в похожей ситуации, мы снова находим ответы на противоположном в сравнении с Пушкиным идейном полюсе. Исходная позиция, если присмотреться, напоминает пушкинскую:

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...²²

Герой совершенно одинок и ничто вокруг не в состоянии прервать состояние скуки. Затем Лермонтов перебирает некоторые явления, которые люди часто называют смыслом жизни, и лаконично поясняет, почему он отвергает их в качестве ответа на мучающий его вопрос. Желания отбрасываются, поскольку смертному человеку вечно чего-то желать, по мнению поэта, нет смысла – лучшие годы уйдут, а желания могут так и не сбыться. Заметим, что Пушкиным как раз двигало острое желание – желание знать, зачем он живет; Лермонтов, наоборот, первым делом лишает желания всякого смысла.

Любовь тоже не наполняет жизнь смыслом, так как вечной любви, по Лермонтову, не существует, а временная любовь мелка. Здесь мы должны отметить, что представления об идеале в мире Лермонтова не существует – вечная любовь категорично отрицается; более того, первым делом Лермонтов пишет «Любить... но кого же?», то есть отсутствует не только идеал вечной любви, но и объект, её достойный. Пушкин, в основе мирозерца-

²¹ Пушкин А.С. Указ. соч. С. 318.

²² Лермонтов М.Ю. Полное полн. собр. соч. в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1832-1841. М.: Воскресенье, 2000. С. 122.

ния которого лежит гармоничное бытие, неоднократно воспеваает и гения, и святыню чистой красоты.

Далее Лермонтов пишет, что от упоения богатым и, может, даже счастливым прошлым нет никакого толку, потому что в строгом смысле прошлого уже нет. По этой причине нет смысла и в самом себе, в своем Я, ведь прошлое в нем уничтожено, а устойчивого актуального содержания Я не содержит. А страсти Лермонтов вполне справедливо считает чересчур кратковременными и относительными. И вот каков итог размышлений:

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг –
Такая пустая и глупая шутка...²³

В минуту душевной невзгоды, с осознанием горизонта смерти, всё в жизни Лермонтова потеряло свой смысл. В идейном мире Лермонтова в принципе сломано представление об идеале, гармонии, в отличие от Пушкина, в художественном сознании которого глубинная гармония выступала то в качестве образца, как в стихотворении «Ангел», то в качестве двигателя и координатора познания, который не позволяет отчаяться, остановиться в неустанных поисках, как в «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы». Теперь мы обладаем знанием о философских предпосылках столь разных судеб демонов и ответов на вопрос о смысле жизни в творчестве Пушкина и Лермонтова.

Литеартура

Гершензон М.О. Мудрость Пушкина // Пушкин в русской философской критике / Коллектив авторов: Российские Пропилеи, 2014. С. 162–187.

Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М.: Издательство Московского университета, 1986.

Лермонтов М.Ю. Полное полн. собр. соч. в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1832-1841. М.: Воскресенье, 2000.

Лермонтов М.Ю. Демон // *Лермонтов М.Ю.* Полное полн. собр. соч. в 10 т. Т. 4. Поэмы 1835 – 1841. М.: Воскресенье, 2000. С. 219-266.

Позов А.С. Метафизика Лермонтова. Мадрид: Ediciones Castilla, 1975. 203 с.

Пушкин А.С. Стихотворения 1823-1836 // *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1959-1962. 799 с.

Соловьев В.С. Лермонтов // *Соловьев В.С.* Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. СПб.: Просвещение, 1913. С. 348–370.

²³ *Лермонтов М.Ю.* Полное полн. собр. соч. в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1832-1841. М.: Воскресенье, 2000. С. 122.

References

Gershenzon M.O. Mudrost' Pushkina [Pushkin's Wisdom], in: *Pushkin v russkoj filosofskoj kritike* [Pushkin in Russian Philosophical Criticism]. Kollektiv avtorov: Rossijskie Propilei Publ., 2014. P. 162–187 (in Russian).

Dobrohotov A.L. *Kategorija bytija v klassicheskoj zapadnoevropejskoj filosofii* [The Category of Being in Classical Western European Philosophy]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1986 (in Russian).

Lermontov M.Ju. *Polnoe poln. sobr. soch. v 10 t. T. 2. Stihotvorenija 1832–1841* [Complete Collection of Works and Letters: in 10 vols. Vol. 2. Poems 1832–1841]. Moscow: Voskresen'e Publ., 2000 (in Russian).

Lermontov M.Ju. Demon [Demon], in *Polnoe poln. sobr. soch. v 10 t. T. 4. Pojemy 1835–1841* [Complete Collection of Works and Letters: in 10 vols. Vol. 4. Poems 1835–1841]. Moscow: Voskresen'e Publ., 2000. P. 219–266 (in Russian).

Pozov A.S. *Metafizika Lermontova* [Lermontov's metaphysics]. Madrid: Ediciones Castilla Publ., 1975 (in Russian).

Pushkin A.S. Stihotvorenija 1823–1836 [Poems 1823–1836] in: Pushkin A.S. *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 2.* [Selected works: in 10 vols. Vol. 2] Moscow: Goslitizdat, 1959–1962 (in Russian).

Solov'ev V.S. Lermontov [Lermontov] in: Solov'ev V.S. *Sobranie sochinenij v 10 t. T. 9.* [Selected works: in 10 vols. Vol. 9]. Saint Petersburg: Prosveshhenie Publ., 1913. P. 348–370 (in Russian).

Two Demons – Two Different Worlds On the Worldview of Pushkin and Lermontov²⁴

Renard Devlikamov, research assistant, International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), renardik2003@gmail.com

The article presents the author’s attempt to identify and comprehend the philosophical presuppositions of the artistic worldview of A.S. Pushkin and M.Yu. Lermontov by means of comparative analysis of similar plots in the poets’ works. To identify the philosophical premises, the article compares the fate of demons in Lermontov’s poem “Demon” and in Pushkin’s poems “Demon” and “Angel”. The present paper shows that in the basis of Pushkin’s worldview the ideal harmony is preserved, while in Lermontov there was a breakdown of the classical intuition of being. To comprehend the results obtained, a comparative analysis of poems in which the poets reflect directly on the meaning of life was carried out: Pushkin’s “Poems Composed at Night During Insomnia” and Lermontov’s “And Bored and Sad”. The comparison has shown that when Pushkin and Lermontov face to face “confronted” with the need to answer the question about the meaning of life, they gave fundamentally opposite answers, corresponding to the philosophical presuppositions of their worldviews identified in the preceding analysis.

Keywords: Pushkin, Lermontov, demon, angel, being, harmony, worldview, meaning of life

For citation: Devlikamov R.T. (2024) Two Demons – two different worlds: about the worldview of Pushkin and Lermontov // *Metamorphosis*. Vol. 9. N. 1. P. 22-32.

Date of receipt: 05.07.2024.

²⁴ This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).